This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1QOX C

HD

HARVARD
LAW
LIBRARY

RUS
PIE

A 7
Pechekhonov, A V
Sushchnost'

Bd. Dec. 1930

HARVARD LAW LIBRARY

Received

Ч. — 10

Книгоиздательство „Русское Богатство".

20 —

А. В. Пѣшехоновъ.

Сущность аграрной проблемы.

(Отдѣльный оттискъ изъ кн. «Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ»).

Цѣна 6 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Изданія книгоиздательства „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Лица, обращающіяся непосредственно въ контору книгоиздательства „Русское Богатство“ (С.-Петербургъ, Баскова, 9) или ея отдѣленіе (Москва, Никитскія Ворота, д. Гагарина), пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Н. Авксентьевъ. Выборы народныхъ представителей. Ц. 5 к.
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
П. Голубевъ. Податное дѣло. Ц. 8 коп.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
„ Англійскіе силуэты. Ц. 1 р. 50 к.
„ Неприкосновенность личности и жилища. Ц. 5 к.
„ Свобода печати. Ц. 5 к.
В. І. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.
Владиміръ Короленко. Очерки и разсказы. I. т.—1 р. 50 к., II т.—1 р. 50 к., III т.—1 р 25 к.
„ „ Въ голодный годъ. Ц. 1 р.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Ц. 75 к.
„ „ Безъ языка. Ц. 75 к.
„ „ Письма къ жителю городской окраины. Ц. 5 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Л. Лавровъ (Миртовъ). Историческія письма. Ц. 1 р.
А. Леонтьевъ. Равноправность. Ц. 5 к.
„ Судъ и его независимость. Ц. 5 к.
Ек. Лѣткова. Повѣсти и разсказы I—III тт. по 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ I — II тт. по 1 р. 50 к.
„ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
„ Очерки русской поэзіи. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія I—VI тт. по 2 р.
„ Литературныя воспоминанія и современная смута I—II тт. по 2 р.
„ Отклики I—II тт. по 1 р. 50 к.
„ Послѣднія сочиненія I—II тт. по 1 р. 50 к.
„ Изъ романа „Карьера Оладушкина“ Ц. 75 к.

Книгоиздательство „Русское Богатство“.

А. В. Пѣшехоновъ.

Сущность аграрной проблемы.

(Отдѣльный оттискъ изъ кн. «Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ»).

Цѣна 6 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Сущность аграрной проблемы.

I.

— „Подумаешь, подумаешь, — какой еще жизни надо намъ отъ Бога просить, окромѣ крестьянской, ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться?“ *).

„Ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться“... Какое скромное желаніе, но какія глубокія и всесторонніе нужны преобразованія, чтобы эта крестьянская мечта могла осуществиться! Для этого необходимо, чтобы измѣнились и матеріальныя основы крестьянской жизни, и правовой ея укладъ, и культурный ея уровень.

Несомнѣнно однако, что въ этой сложной и огромной проблемѣ вопросъ о землѣ занимаетъ центральное мѣсто. Такъ смотрятъ на дѣло крестьяне, у которыхъ этотъ взглядъ сложился какъ результатъ непосредственнаго ощущенія: „земли мало“, „съ сохой повернуться негдѣ“, „курицу и ту выпустить некуда“. Къ тому же выводу, послѣ неоднократ-

*) Сочиненія Г. И. Успенскаго. Т. I. Изд. 1897 г. «Избушка на курьихъ ножкахъ».

ныхъ блужданій въ разныхъ направленіяхъ, неизмѣнно всякій разъ приходила и общественная мысль. На вопросъ, что же именно мѣшаетъ многомилліонному народу благополучно утвердиться, вновь и вновь приходилось отвѣчать: прежде всего и больше всего крестьянское малоземелье.

Крестьянское малоземелье — вотъ формула, въ которую отлилась аграрная проблема въ Россіи. Но эту формулу, это внѣшнее выраженіе основной народно-хозяйственной задачи многіе склонны принимать за самую ея сущность. И сейчасъ довольно многіе сторонники аграрной реформы озабочены больше всего тѣмъ, сколько нужно прибавить земли крестьянамъ и гдѣ можно взять ее. Съ другой стороны, изъ лагеря противниковъ реформы слышатся все тѣ же, давно извѣстныя возраженія, что это палліативъ, что земли не хватитъ или что черезъ нѣсколько лѣтъ ея опять будетъ мало.

Съ этими изрядно уже надоѣвшими аргументами я, пожалуй, даже согласенъ. Дѣйствительно, если земельную реформу представлять себѣ исключительно въ видѣ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу по $^1/_2$ десятины на душу (а больше, пожалуй, „не хватитъ“, если не земли, то рѣшимости у сторонниковъ „дополнительнаго надѣленія“), то можетъ быть и не изъ-за чего огородъ городить. Прежде, чѣмъ эта „передышка“, какъ ее называютъ нѣкоторые, скажется какими-либо послѣдствіями въ народнохозяйственной жизни, мы опять будемъ стоять лицомъ къ лицу съ острымъ малоземельемъ. И не потому только, что вздохнувшее населеніе умножится, но и потому, что правящіе классы съумѣютъ очень быстро присвоить доходъ съ этой новой полъ-десятины такъ же, какъ они уже „капитализировали“ его и со всѣхъ прежнихъ.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать *), что сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается вовсе не въ томъ, что у крестьянъ тамъ или здѣсь не хватаетъ того или иного количества земли. Слѣдствіе нельзя смѣшивать съ причиной, и экономическое явленіе не должно заслонять отъ насъ соціальнаго противорѣчія, которое нашло въ немъ свое выраженіе.

Соціальное же противорѣчіе заключается въ томъ, что нашъ крестьянинъ занимаетъ двусмысленное положеніе: въ сферѣ производства – онъ самостоятельный производитель, въ сферѣ же распредѣленія—батракъ, вынужденный довольствоваться заработною платою. На его плечахъ лежитъ громадная соціальная тяжесть—главная отрасль производства, застой въ которой неизбѣжно сказывается разстройствомъ во всемъ народно-хозяйственномъ организмѣ. Но эту тяжесть ему приходится вывозить при помощи заморенной клячи и чуть не допотопной сохи, ибо весь прибавочный продуктъ, за счетъ котораго только и можетъ совершенствоваться хозяйство, отбирается у него другими классами. Въ этомъ именно и заключается основная причина, какъ угнетеннаго состоянія

---

*) См. «Земельныя нужды деревни». Отсылая читателей къ этой брошюрѣ, я ограничусь въ настоящемъ мѣстѣ изложеніемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ аграрной проблемы, какъ я ее понимаю. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ оговориться, что аграрныя отношенія далеко не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, благодаря чему и аграрная проблема не вездѣ имѣетъ тождественный характеръ. Такъ земельныя отношенія во внутренней Россіи нельзя приравнивать, напримѣръ, къ тѣмъ, какія сложились въ прибалтійскомъ краѣ, съ одной стороны, и въ киргизскихъ степяхъ—съ другой. Чтобы не осложнять свою задачу, я территоріально ограничу ее коренною Россіею.

сельско-хозяйственной промышленности, такъ и безъисходной нищеты и хроническаго голоданія русской деревни.

Не лишне будетъ напомнить, какимъ путемъ образовалось это соціальное противорѣчіе. Крестьяне были освобождены съ землей. Этимъ былъ заложенъ фундаментъ свободнаго трудоваго хозяйства,—къ этому, по крайней мѣрѣ, стремились защитники крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Но реформа опредѣлилась, какъ компромиссъ и при томъ очень невыгодный для крестьянства. Представители помѣщичьихъ интересовъ употребили всѣ усилія, чтобы обезпечить возможность веденія предпринимательскаго хозяйства, для чего, конечно, прежде всего нужно было создать источникъ необходимой для него рабочей силы. Въ этихъ видахъ не только были установлены „временнообязанныя“ отношенія, но и самое надѣленіе землею произведено въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ крестьянство съ первыхъ же шаговъ новой жизни должно было почувствовать—и это не только сознательно, но и совершенно откровенно вводилось въ разсчетъ—„надобность въ помѣщикѣ“. Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ „высшаго надѣла“ послужили данныя о крестьянскомъ землепользованіи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина*. Уже этимъ для помѣщичьихъ хозяйствъ былъ бы обезпеченъ запасъ „свободной“ рабочей силы, не меньшій того, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но высшій или указной надѣлъ въ дѣйствительности получили далеко не всѣ крестьяне. „Положеніе“ допускало еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ $^1/_3$ высшаго, и кромѣ того еще дарственный, въ просторѣчіи именуемый нищенскимъ. Въ итогѣ „свободной“ рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ оказалось несравненно больше, чѣмъ сколько имѣло ея въ своемъ распоряженіи помѣщичье хозяйство до реформы.

„Свободной“,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ свободенъ извозчикъ, тщетно высматривающій себѣ сѣдока на биржѣ. Крестьяне не могли ее использовать въ собственномъ хозяйствѣ, но использовать ее было необходимо, такъ какъ иначе не возможно было удовлетворить даже тотъ уровень потребностей, какой свойствененъ былъ крѣпостному населенію, и даже при той численности послѣдняго, какую оно имѣло въ моментъ освобожденія. Между тѣмъ, помимо удовлетворенія собственныхъ потребностей, нужно было еще выплачивать громадные выкупные платежи не только за землю, но и за души. Такъ или иначе, но освобожденные крестьяне должны были сами закабалить значительную часть своей рабочей силы.

Съ помѣщичьей точки зрѣнія было важно однако, чтобы эта рабочая сила была закрѣплена за ними. Опасеніе, что крестьяне станутъ, какъ тогда выражались, „толпами бродить по Россіи“ и что въ концѣ концовъ найдутъ себѣ землю и работу внѣ помѣщичьяго хозяйства, также наложило свою печать на реформу. Освобожденный народъ былъ прикрѣпленъ къ отведенной ему землѣ,—прикрѣпленъ выкупными платежами, круговой порукой и цѣлымъ рядомъ другихъ крѣпостныхъ остатковъ, связавшихъ крестьянскую личность. Одною изъ главныхъ задачъ всей дальнѣйшей пореформенной политики сдѣлалась и до сихъ поръ остается забота, какъ бы помѣщичье хозяйство не осталось безъ рабочей силы. Какъ извѣстно, переселенія тормазились; положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы грозитъ уголовными карами тѣмъ, кто броситъ помѣщичью работу; нежеланіе наниматься къ помѣщику приравнивается къ бунту. Самый институтъ надѣльнаго землевладѣнія все время поддерживался и совершенствовался въ такомъ напра-

вленіи, при которомъ крестьяне не могутъ бросить земли, но и не могутъ отлить свое хозяйство въ свободныя формы. Спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, правительство задается, наконецъ, цѣлью „облегчить выходъ“ изъ этихъ сословныхъ рамокъ, но и то лишь для „индивидуально сильныхъ, умственно-переросшихъ крестьянскій міръ отдѣльныхъ крестьянъ“. Что касается крестьянской массы, то „воспитанная въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшая къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученая измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка“, она, по проекту В. К. Плеве, и впредь должна служить „оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ тенденцій“, а стало быть и оставаться „во всемъ своемъ своеобразіи“ въ тискахъ „особливаго сословнаго строя“ *).

Въ результатѣ освобожденные крестьяне съ самаго начала очутились и до сихъ поръ остаются въ положеніи „подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ“. Послѣдствія произведенной и поддержанной въ этомъ направленіи реформы оказались однако совсѣмъ не тѣми, какихъ, быть можетъ, ожидали въ свое время реформаторы, увлеченные цвѣтущимъ состояніемъ основаннаго на „свободномъ“ трудѣ, западно-европейскаго и въ особенности англійскаго, земледѣлія. Трудъ оказался кабальнымъ, а не свободнымъ,— не свободнымъ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ это необходимо для процвѣтанія капиталистическаго хозяйства.

---

*) Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, — и въ Россіи все еще нѣтъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, какъ особаго класса. Нѣтъ и не предвидится. Функціи рабочаго въ помѣщичьемъ хозяйствѣ выполняетъ по прежнему крестьянинъ, или сынъ его, или братъ, или сватъ — словомъ кто-нибудъ изъ рода самостоятельныхъ производителей. Если не въ одномъ лицѣ, то въ одномъ дворѣ рабочій остается объединеннымъ съ крестьяниномъ. Это, несомнѣнно, одна изъ крупныхъ особенностей аграрнаго строя, какъ онъ сложился во внутреннихъ губерніяхъ. На то, чтобы онъ сложился именно въ такомъ видѣ, были конечно, свои очень вѣскія причины.

Прежде всего наслѣдственное право. Правящіе классы не озаботились, — и можетъ быть, потому именно, что они чрезмѣрно увлеклись другою заботою, а именно: какъ бы удержать крестьянское населеніе въ деревнѣ, — и своевременно не установили ни майората, ни минората для крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Только теперь, негодуя на привычку населенія „дробить землю“, нѣкоторые пришли къ идеѣ недробимыхъ участковъ. Порядокъ наслѣдованія не могъ и произвольно измѣниться въ данномъ направленіи. Помимо установившихся уже взглядовъ народа, не допускали этого и экономическія условія. Попавши сразу на путь эксплоатаціи, помѣщичье хозяйство не предлагало и не могло предложить, хотя бы временно, своимъ батракамъ такихъ условій, при которыхъ выступившимъ въ этой роли дѣтямъ было бы выгодно отказаться отъ доли въ наслѣдствѣ отцовъ. Обработывающая промышленность со своими несравненно болѣе выгодными заработками достигла въ этомъ отношеніи болѣе замѣтныхъ результатовъ и хотя часть „дѣтей“ удержала въ городѣ въ качествѣ освобожденныхъ рабочихъ. Но она ихъ удержала для себя, а не для сельскаго хозяй-

ства. Съ другой стороны, обремененное сразу непосильными платежами, крестьянское хозяйство не могло бы давать необходимымъ при майоратѣ или минoратѣ выдѣловъ. Какъ бы то ни было, но этимъ путемъ—какимъ шли и у насъ нѣкоторыя окраины—сельско-хозяйственный пролетаріатъ во внутреннихъ губерніяхъ не могъ образоваться.

Былъ, конечно, другой путь,—не юридическаго, а экономическаго обезземеленія, обезземеленія не лицъ, а дворовъ. Тяжелыя матеріальныя условія, въ какихъ все время находилось крестьянство, несомнѣнно, благопріятствовали образованію такимъ путемъ безземельнаго пролетаріата. Но и на этомъ пути оказалось препятствіе—община. Сторонники предпринимательскаго хозяйства и ее, какъ крестьянскій дворъ, не рѣшились своевременно разрушить, благодаря, конечно, тѣмъ же крѣпостническимъ тенденціямъ, какія были все время такъ сильны въ ихъ средѣ. Только въ самое послѣднее время враждебное общинѣ теченіе усилилось въ средѣ правящихъ классовъ, хотя и не получило еще рѣшительнаго преобладанія въ правительственныхъ сферахъ,—не получило, конечно, потому, что интересы политики не всегда совпадаютъ съ интересами даже дружественной экономики.

Община въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала и существуетъ, конечно, безсильна сама по себѣ удержать населеніе отъ обезземеленія. Но, несомнѣнно, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ она оказалась очень серьезной помѣхой на пути къ образованію сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ численность уже обезземелившагося, но оставшагося въ деревнѣ населенія ничтожна. Тамъ, можно сказать, совсѣмъ почти нѣтъ лицъ, которыя жили бы исключительно работой по найму въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. При наличности об-

щины лишь городу удавалось „освобождать“, да и то далеко не вполнѣ необходимыхъ ему рабочихъ. Что касается экономическихъ работъ, то онѣ всѣ почти выполняются крестьянскими хозяйствами въ цѣломъ ихъ видѣ сдѣльно или отдѣльными изъ ихъ состава лицами, нанимающимися на срокъ и поденно.

Впрочемъ, и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, хотя численность безземельнаго населенія значительна, однако, оно до сихъ поръ не обособилось отъ крестьянства въ качествѣ особаго класса. Сливаясь съ крестьянской массой, оно имѣетъ и общую съ нимъ психологію. И вѣковыя традиціи, и экономическія условія заставляютъ эту, уже обезземелившуюся часть населенія, все время тяготѣть къ собственному хозяйству. Даже среди городскихъ рабочихъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить ту же „тягу“, и въ русской исторіи за послѣднія десятилѣтія уже бывали случаи, что подъ вліяніемъ измѣненія въ общихъ экономическихъ условіяхъ, происходило „обращеніе къ землѣ“ очень многихъ изъ тѣхъ, кто, казалось, окончательно переселился въ городъ. Тѣмъ сильнѣе эта тяга ощущается въ деревнѣ и особенно среди населенія, еще очень недавно разлученнаго со средствами производства. Тяга эта даже неизбѣжна въ виду того, что и въ данныхъ мѣстностяхъ та часть крестьянства, которая еще сохранила собственное хозяйство, принимаетъ видное участіе въ экономическихъ работахъ, благодаря чему и всѣ отношенія складываются подъ давленіемъ этого факта.

Давленіе же это громадное и всесторонее. Объединеніе въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ крестьянина и рабочаго роковымъ образомъ сказывается на положеніи того и другого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всемъ народномъ хозяйствѣ. Есть пословица: „коготокъ увязъ — всей

птичкѣ пропасть“,— и она какъ нельзя болѣе примѣнима въ данномъ случаѣ къ положенію крестьянина. Необходимость продать хоть часть своей силы, необходимость отдать въ наемъ хотя бы нѣкоторыхъ членовъ семьи неизбѣжно обращаетъ бюджетъ самостоятельнаго производителя въ бюджетъ пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ крестьяниномъ стоитъ такая дилемма: снять у землевладѣльца въ аренду землю или идти въ батраки къ нему. Онъ предпочтетъ, конечно аренду, уплативъ за землю столько, что ему останется лишь заработная плата. Такимъ путемъ онъ сохранитъ хоть тотъ плюсъ, что самъ себѣ останется хозяиномъ. На этомъ, однако, дѣло не остановится и не можетъ остановиться. Передъ этой перспективой бросить свое хозяйство и идти въ батраки онъ пойдетъ и на дальнѣйшія уступки. Онъ уступитъ еще часть прибавочнаго продукта, получаемаго съ земли, которая принадлежитъ ему на правѣ надѣла или собственности. Идите дальше. Крестьянину не хватаетъ нѣсколькихъ рублей, чтобы свести концы съ концами,—и вотъ онъ, не желая все еще бросить хозяйства (да и какъ его бросить? вѣдь ликвидація, не говоря о прочемъ, тоже грозитъ убытками) — берется обработать „кругъ“ за 10—12 рублей, тогда какъ освобожденному рабочему, чтобы онъ не умеръ съ голоду, помѣщикъ за ту же работу долженъ былъ бы уплатить можетъ быть, 20 рублей. Недовыручку въ заработной платѣ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, крестьянинъ покрываетъ прибавочнымъ продуктомъ, создаваемымъ въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ же поступаетъ онъ, отдавая сына въ батраки или отправляя его въ промыслы. Подъ тѣмъ же давленіемъ складываются и всѣ другія экономическія отношенія крестьянина. Въ конечномъ счетѣ онъ отдаетъ весь прибавочный продуктъ своего хозяйства, — всю прибыль и всю ренту, довольствуясь самъ

лишь заработной платой. Это не апріорныя только соображенія. На основаніи данныхъ о 1313 крестьянскихъ бюджетахъ, мнѣ пришлось въ свое время показать въ цифровыхъ знакахъ, что то, что крестьянинъ получаетъ въ собственномъ хозяйствѣ, и то, что онъ зарабатываетъ на сторонѣ, составляетъ по отношенію другъ къ другу лишь ариѳметическое дополненіе до уровня заработной платы *). Въ дѣйствительности этотъ уровень нерѣдко спускается и еще ниже, ибо крестьянинъ имѣетъ возможность дѣлать уступки не только за счетъ текущихъ поступленій въ его хозяйствѣ, но и за счетъ основного капитала. И въ этомъ экономическомъ положеніи—на границѣ между разоряющимся хозяиномъ и уже освобожденнымъ отъ необходимости разоряться пролетаріемъ—онъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится его соціальныя позиція.

Двусмысленное соціальное положеніе крестьянина тяжело сказывается и на положенія освобожденнаго рабочаго. У него нѣтъ „ариометическаго дополненія", ему не изъ чего дѣлать уступки. Но бокъ-о-бокъ съ нимъ работаетъ крестьянинъ, который можетъ ихъ дѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ. Благодаря этому уровень заработной платы рабочаго все время грозитъ упасть ниже уровня его жизненныхъ потребностей. На городскомъ рынкѣ, гдѣ освобожденные рабочіе составляютъ компактную массу, достаточно сильную, чтобы отстаивать свои интересы, и гдѣ вообще крестьянское вліяніе слабѣе **),

*) См. брошюру: „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ". См. по этому вопросу также упомянутую выше другую мою брошюру: „Земельныя нужды деревни".

**) Приведенныя въ брошюрѣ: „Крестьяне и рабочіе" данныя показываютъ, что заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ рынокъ дальше отъ деревни.

это не такъ еще замѣтно. Въ общемъ городская заработная плата служитъ даже защитой для крестьянина, чѣмъ, конечно, и объясняется хоть нѣкоторый прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наблюдаемый, какъ извѣстно, лишь въ мѣстностяхъ съ широко развитымъ промысловымъ отходомъ. Но и въ городѣ, въ случаяхъ усиленнаго наплыва крестьянъ, заработная плата нерѣдко падаетъ много ниже своего нормальнаго уровня. Что касается деревенскаго пролетарія, то его положеніе подъ вліяніемъ крестьянской конкурренціи совершенно безвыходно. Удержать свою заработную плату на уровнѣ своихъ жизненыхъ потребностей онъ не въ силахъ. Въ этомъ, можетъ быть, и заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему сельско-хозяйственный пролетаріатъ въ качествѣ особаго класса у насъ не могъ образоваться. И это, конечно, особенно сильно заставляетъ деревенскаго пролетарія тянуться къ землѣ и собственному хозяйству. Помимо всего прочаго, онъ долженъ имѣть „ариѳметическое дополненіе“, чтобы не умереть съ голоду.

Уступившій весь прибавочный продуктъ крестьянинъ, само собою понятно, не можетъ совершенствовать свое хозяйство. Этимъ прежде всего и объясняется, конечно, застой и даже регрессъ, наблюдаемый, за исключеніемъ самыхъ немногихъ мѣстностей, въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но и предпринимательское хозяйство въ сферѣ сельско-хозяйственной индустріи развиваться не можетъ. За счетъ прибавочнаго продукта, вырабатываемаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за счетъ не только настоящихъ, но также прошлыхъ и будущихъ его доходовъ, цѣны на землю поднялись уже до неимовѣрной высоты. Рента поглощаетъ всю прибыль и даже часть заработной платы. Это значитъ, что землевладѣльцу выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянамъ, чѣмъ вести собствен-

ное хозяйство, а стороннему капиталисту не выгодно вкладывать капиталъ въ сельско-хозяйственное предпріятіе, такъ какъ за землю нужно заплатить такую цѣну, которая вовсе не оправдывается ея доходностью. Впрочемъ, собственное хозяйство вести можно, но не иначе какъ путемъ массовой эксплоатаціи рабочихъ и окрестнаго населенія. И капиталъ въ землю можно вкладывать, но опять-таки не иначе, какъ въ разсчетѣ присвоить доходы крестьянскаго хозяйства. Путь же техническаго прогресса для частнаго хозяйства закрытъ, ибо онъ оказывается невыгоднымъ, т. е. менѣе выгоднымъ, чѣмъ путь эксплоатаціи. И это, конечно, не случайность, что „хорошимъ“ хозяйствомъ у насъ называется такое, въ которомъ ничего научнаго нѣтъ, а есть только штрафы. Такова властная экономическая конъюнктура. Вліяніе отмѣченнаго мною факта можно было бы прослѣдить и дальше. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы читатель уяснилъ себѣ сущность аграрной проблемы. Суть ея не въ томъ, чтобы прибавить крестьянину одну или двѣ десятины, а въ томъ, чтобы измѣнить его соціальное положеніе, — въ томъ, чтобы сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. хотя бы въ сферѣ сельскаго хозяйства сдѣлать его дѣйствительно самостоятельнымъ производителемъ.

Для этого же необходимо освободить его отъ работы въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. И нужно освободить совсѣмъ. Нужно помнить, что, если хотя коготокъ увязнетъ, то и всей птичкѣ пропасть придется.

II.

Освободить крестьянина отъ работы на помѣщика, освободить его отъ обязанностей подневольнаго батрака и выну-

жденнаго арендатора, — такова самая важная и неотложная народно-хозяйственная потребность въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Этимъ не исчерпываются, однако, задачи, какія можно и должно ставить аграрной реформѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что крестьянское трудовое хозяйство уже втянуто въ сферу мѣновыхъ отношеній и что въ этой атмосферѣ еще долго ему придется жить и развиваться. Благодаря этому, крестьянина нельзя разсматривать, какъ изолированнаго производителя; не сдѣлается уже онъ такимъ и послѣ того, какъ окончательно порвется „цѣпь великая“. Его хозяйство тысячами нитей связано со всѣми другими земледѣльческими хозяйствами страны, находится въ зависимости отъ нихъ и само оказываетъ на нихъ очень сильное вліяніе *). Важны поэтому не только отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но и взаимныя отношенія между ними, какъ между сельско-хозяйственными производителями.

---

*) Общественный характеръ крестьянскаго хозяйства, конечно, не ограничивается рамками сельско-хозяйственнаго производства. При посредствѣ того же рынка оно тѣснѣйшимъ образомъ связано и со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства. Поэтому-то между прочимъ мы и придаемъ такое громадное значеніе аграрной реформѣ. Если въ сферѣ земледѣльческаго производства упрочится трудовое хозяйство, то этимъ до извѣстной степени будетъ предрѣшено направленіе и всей остальной народно-хозяйственной жизни. Подъ давленіемъ этого—громаднаго по своимъ размѣрамъ—факта будутъ складываться всѣ другія общественныя отношенія, имъ же будетъ опредѣляться и сознательное вмѣшательство организованныхъ общественныхъ силъ въ стихійный ходъ экономической эволюціи. Другими словами: мы надѣемся, что крестьянское трудовое хозяйство послужитъ исходной точкой и надежной опорой для переустройства всей соціальной жизни на трудовыхъ началахъ.

Первостепенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія на территоріи страны. Мнѣ приходилось уже указывать, что оно сохраняетъ до сихъ поръ несвободный характеръ и далеко не совпадаетъ съ требованіями рынка.

Нельзя упускать изъ виду,—писалъ я,—что мы живемъ въ странѣ, колонизаціонную работу въ которой отнюдь нельзя считать завершившеюся. Начатая задолго до возникновенія государственности, эта работа имѣла когда-то широкій размахъ. Предоставленное самому себѣ и своему хозяйственному инстинкту, населеніе быстро заселяло огромную равнину, смѣло врѣзаясь съ топоромъ въ чащу дѣвственнаго лѣса и шагъ за шагомъ поднимая цѣлинныя земли столь же дѣвственной степи. Какъ ни примитивно было хозяйство, какъ ни слабы были общественные навыки, населеніе успѣшно справлялось съ этой нелегкой задачей... Монгольское иго надолго, однако, затруднило колонизаціонную работу населенія: своими набѣгами и поборами татары ослабили его хозяйственную силу и преградили ему дорогу къ благодатному югу... Въ интересахъ внѣшняго могущества государство закрѣпостило всѣ слои населенія и прервало ту работу, ради которой было создано: оно прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, закрѣпило ихъ за помѣщиками. Колонизаціонная работа могла происходить только тайкомъ, піонерами новыхъ мѣстъ должны были сдѣлаться бѣглые: бѣглые завладѣли Сибирью, бѣглые заселили Новороссію. По мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя государственная организація, эта „вольная" колонизаціонная работа становилась все слабѣе и постепенно сошла на нѣтъ. Вольную,—хотя бы условно только вольную, — колонизацію смѣнила принудительная: крестьянъ продавали „на свозъ" и отправляли въ ссылку. Едва ли нужно говорить, что выгода помѣщика и велѣніе уголовнаго закона далеко не всегда совпадали съ хозяйственными потребностями трудящагося населенія *).

Реформа 1861 г. въ сущности закрѣпила это подневольное размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія. Созданный

*) „Земельныя нужды деревни". 2 изд. Стр. 80—81.

ею аграрный строй въ связи съ аграрной политикой пореформеннаго времени поставилъ новыя непреодолимыя преграды на пути основного народно-хозяйственнаго процесса.

Въ настоящее время, если не считать промежуточныхъ формъ, мы имѣемъ три института собственности на землю: а) государственное землевладѣніе, б) надѣльное и в) частное. Государственныя земли, составляющія наибольшую часть территоріи, въ теченіе долгаго времени оставались почти совершенно недоступными для колонизаціи. Переселенія не только не поощрялись, но и преслѣдовались. Хотя жизнь въ концѣ концовъ и заставила легализировать эту форму колонизаціоннаго процесса, однако, она до сихъ поръ не получила того развитія, какое отвѣчало бы, съ одной стороны, необъятному пространству государственнаго земельнаго фонда, съ другой — до нельзя обострившимся потребностямъ многомилліонной земледѣльческой массы. Государственныя земли въ громадной ихъ части остаются неустроенными и въ культурномъ отношеніи неизвѣданными.

Надѣльныя земли—эта важнѣйшая въ производственномъ отношеніи часть территоріи—закрѣплены за сословіемъ, хуже того: за мелкими его группами, за отдѣльными дворами и селеніями. Благодаря этому, въ предѣлахъ даже надѣльной площади крестьянство, взятое во всей его массѣ, свободно разселиться не можетъ. Государство заставило крестьянъ *выкупать*, но лишило ихъ права *продавать* надѣльныя земли. Въ результатѣ крестьяне оказались привязанными къ своей „собственности“, каковая уже оплачена ими сверхъ ея стоимости. И каждая деревня, каждый дворъ держатся за отведенные имъ клочки тѣмъ упорнѣе, что податься со своимъ хозяйствомъ имъ рѣшительно некуда. Переселеніе за многія тысячи верстъ на казенныя земли сопряжено съ такими за-

трудненіями, лишеніями и расходами, что выполнить эту опсрацію далеко не всѣ могутъ. Двѣсти тысячъ душъ,—максимумъ, котораго достигало переселенческое движеніе, — въ сравненіи со стомилліонной массой и его до нельзя острой нуждой въ землѣ, представляетъ въ сущности совершенно ничтожную цифру. Всѣ же болѣе близкія и болѣе мягкія земли, — безъ заселенія коихъ дальняя колонизація оказывается особенно нераціональной,—захвачены частнымъ владѣніемъ.

Въ эту сторону, какъ извѣстно, и направилась первая по освобожденіи переселенческая волна. Юго-восточныя степи и Сѣверный Кавказъ въ значительной мѣрѣ заселены уже въ пореформенное время выходцами изъ внутреннихъ губерній, пріобрѣвшими здѣсь земли для поселенія путемъ покупки или на правѣ аренды. Но цѣны на землю въ этихъ мѣстахъ стали быстро возрастать и начавшееся развиваться въ этомъ направленіи движеніе очень скоро дало осѣчку. Вести колонизаціонную работу на основѣ частной поземельной собственности крестьянство оказалось не въ силахъ. Для этого нужны были капиталы, какими оно не располагало. Чтобы выполнить свою провиденціальную миссію и получить свою долю въ общественномъ доходѣ, т. е. заработную плату, оно стало высылать изъ году въ годъ милліоны рабочихъ рукъ въ „новыя мѣста“ на косовицу. Со своимъ же собственнымъ хозяйствомъ крестьяне продолжали и продолжаютъ тѣсниться на прежнихъ, все болѣе и болѣе съуживающихся, „загончикахъ“.

Я уже говорилъ, на какихъ условіяхъ, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, только и можно расширить эти загончики. Для этого нужно отдать сосѣднему помѣщику не только весь прибавочный продуктъ съ его земли, но и поступиться

еще частью заработной платы. Въ данномъ случаѣ важно отмѣтить другой результатъ созданнаго крестьянской реформой аграрнаго строя. Если крестьяне были прикрѣплены къ отведеннымъ имъ надѣламъ въ качествѣ „вѣрной статьи дохода“ для своего бывшаго помѣщика или его правопреемниковъ, то этимъ самымъ и помѣщичья земля была закрѣплена за ними —закрѣплена, конечно, непомѣрно высокой цѣной, какую они соглашаются платить за нее, и непомѣрно низкой заработной платой, за которую они соглашаются на ней работать. Благодаря этому, внутренняя миграція сельско-хозяйственнаго населенія сдѣлалась невозможною. И мы знаемъ, что въ дѣйствительности ея нѣтъ. Если же кое-гдѣ въ хозяйственную жизнь и внѣдряются еще пришлые элементы, то мѣстное населеніе относится къ нимъ,— какъ, напримѣръ, къ „латышамъ“ въ Тверской губерніи,—въ высшей степени недоброжелательно, а то и прямо, — какъ напримѣръ, къ полтавскимъ „богатѣямъ“, скупившимъ для переселенія нѣкоторыя имѣнія въ Курской и Харьковской губерніяхъ, — съ ненавистью. Этотъ процессъ закрѣпленія земли происходитъ и въ южныхъ степяхъ. Напомню хотя бы давно уже начавшія тамъ портиться отношенія къ „иногороднимъ“. Теперь же онъ принялъ до нельзя острую форму: мѣстные крестьяне силой гонятъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній рабочихъ. Скоро каждая губернія, каждая деревня будетъ обведена своею „чертою осѣдлости“.

Такимъ образомъ, при данномъ аграрномъ строѣ каждая частичка территоріи должна самостоятельно развивать свою емкость и для этого каждая мѣстность, каждое селеніе и даже каждое отдѣльное хозяйство должны развивать свои производительныя силы внѣ связи съ другими. Но вѣдь всѣ сельско-хозяйственные производители уже объединены рын-

комъ. Сибирскіе крестьяне во многихъ мѣстахъ должны переходить къ трехполью, но ихъ хлѣбъ, чтобы попасть на рынокъ, долженъ пересѣчь мѣстности съ переложнымъ или подсѣчнымъ хозяйствомъ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ названный переходъ быть не только безболѣзненнымъ, но и хотя бы въ конечномъ счетѣ, раціональнымъ? Орловскому крестьянину не остается иного выхода, какъ перейти на своемъ загончикѣ къ огородной культурѣ злаковъ. Но можетъ ли онъ это сдѣлать, если бы у него даже и имѣлись необходимыя для этого знанія и средства, когда въ южныхъ, болѣе близкихъ къ рынку, губерніяхъ еще не выпаханы ковыльныя степи? Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“, ссылаясь на китайцевъ, совѣтовалъ какъ-то русскому мужику собирать свое удобреніе въ банки. Но, вѣдь, тамъ, на югѣ, навозъ вываливается еще въ овраги. Можетъ ли екатеринославскій крестьянинъ перейти къ стойловому содержанію скота, когда рядомъ съ его клочкомъ выращиваются на подножномъ корму цѣлые косяки лошадей и пасутся обширныя стада мериносовъ?.. Я беру наиболѣе рѣзкіе примѣры, но то же самое давленіе однѣхъ мѣстностей и однихъ хозяйствъ на другія сказывается, конечно, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: имъ опредѣляются и системы хозяйства, и сѣвообороты, и пропорція посѣвовъ, и число, и глубина вспашекъ... Потребности умножающагося населенія требуютъ интенсификаціи, а она—по условіямъ рынка—невозможна, не раціональна, убыточна...

Привычка—вторая натура. Мы свыклись и даже не замѣчаемъ воздушнаго давленія. Не замѣчаемъ мы и этого аграрнаго давленія въ сельско-хозяйственной сферѣ. Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ распахиваетъ „неудобь“ вмѣсто того, чтобы лишній разъ вспахать прежнюю полосу?

Почему онъ отправляетъ сына въ чужедальнюю сторону на косовицу вмѣсто того, чтобы заставить его перекопать заступомъ свою собственную землю? Вѣдь есть же въ этомъ разсчетъ, не одно же это сплошное „невѣжество“? Не потому ли, что коса въ степи даетъ въ конечномъ счетѣ все-таки больше, чѣмъ заступъ дома? Когда его прогонятъ оттуда, онъ можетъ быть и возьмется за заступъ. Но будетъ ли эта затрата труда раціональна? будетъ ли эта вынужденная интенсификація выгодна? Въ Суджанскомъ сельско-хозяйственномъ комитетѣ крестьяне одной деревни жаловались, что помѣщикъ лишилъ ихъ пастбища и они вынуждены большую часть лѣта держать скотъ дома. Вѣдь это, если хотите, „стойловое содержаніе скота“. Почему же крестьяне, сдѣлавшіе такой прыжокъ въ своемъ хозяйствѣ, воютъ? Неужели только изъ-за своего невѣжества? Когда на Тверскую губернію былъ распространенъ лѣсоохранительный законъ, то жители Осташковскаго уѣзда вынуждены были отъ „лядъ“ и „нивъ“ перейти къ трехполью. Казалось, чего бы лучше? Однако, въ уѣздѣ начались голодовки...

При неправильномъ, не отвѣчающемъ требованіямъ рынка, размѣщеніи населенія, интенсификація, если и можетъ имѣть мѣсто, то почти исключительно такого вынужденнаго характера. Уже въ силу этого обстоятельства, не говоря о прочемъ, производительныя силы сельско-хозяйственнаго населенія, при данномъ аграрномъ строѣ, не могутъ поспѣвать за возрастаніемъ его численности. Необходимо, чтобы населеніе получило возможность свободно разселиться и свободно перемѣщаться въ предѣлахъ всей находящейся въ его обладаніи территоріи. Рынокъ диктуетъ свои велѣнія даже изъ-за океана, онъ мѣняетъ ихъ чуть не ежедневно,—и нельзя подвластное ему населеніе держать на привязи.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что „черта осѣдлости“ проведена не только между деревнями, она проведена между ними и городомъ. Раньше крестьянинъ былъ привязанъ къ землѣ непосильными платежами и круговой порукой. Чтобы „оправдать“ себя, онъ отправлялъ сына въ дальніе промыслы, отправлялся самъ и „спуста“ платилъ подати. Трудомъ и лишеніями онъ „окупилъ“ данный ему надѣлъ и до извѣстной степени свыкся съ мыслью, что это его собственность. Она имѣетъ уже цѣнность: сверхъ уплаты податей, за землю даютъ уже „верхи“, хотя бы въ размѣрѣ пяти рублей въ годъ за душу. Но реализировать эту цѣнность онъ не можетъ. Чтобы покончить свои счеты съ землей, онъ долженъ отказаться отъ надѣла, т. е. отказаться отъ пяти рублей „верховъ“, а вѣдь это значитъ — бросить сторублевку. Сдѣлать это съ легкою душою крестьянинъ, конечно, не можетъ, и онъ держится за надѣлъ, держится тѣмъ упорнѣе, что устроиться въ городѣ, особенно съ семьею, трудно, а вернуться назадъ, въ случаѣ неудачи, еще труднѣе. Экономическая необходимость въ концѣ-концовъ преодолѣваетъ это упорство и подкравшееся раззореніе такъ или иначе обрываетъ цѣпь „собственности“, связывающую крестьянина съ надѣломъ. Въ обходъ юридическихъ нормъ жизнь выработала даже формы „продажи“ надѣльной земли. Исшествіе изъ деревни, какъ ни затруднено оно, всетаки происходитъ. Но обратное движеніе — проникновеніе въ деревню новыхъ трудовыхъ элементовъ — почти совершенно отсутствуетъ. На казенныя земли ихъ не пускаютъ, надѣльныя земли имъ не доступны, покупка частновладѣльческой земли, при вздутыхъ цѣнахъ на нее, для малозажиточныхъ группъ населенія непосильна. Въ первое время по освобожденіи начали было возникать мѣщанскіе поселки на купчей землѣ,

наблюдались случаи пріема иносословныхъ членовъ въ крестьянскія общины, но теперь къ землѣ имѣютъ доступъ лишь спекулянты. Земледѣльческое населеніе страны обратилось въ какую-то касту, совершенно почти лишенную притока свѣжихъ элементовъ.

„Деревня,—какъ я резюмировалъ въ другомъ мѣстѣ эти послѣдствія аграрнаго строя, — обратилась въ своего рода гетто, лишенное свѣта и воздуха. И люди мрутъ въ немъ отъ цынги и тифа. Впрочемъ, умирать безропотно они больше не желаютъ и уже требуютъ себѣ хлѣба, свѣта и свободы... Пришла пора это гетто разрушить,, *).

Повторяю: размѣщеніе населенія на территоріи и распредѣленіе его между городомъ и деревней—основной процессъ народно-хозяйственной жизни. И аграрная реформа должна найти такую форму земельныхъ отношеній, при которой онъ могъ бы имѣть свободное и безостановочное теченіе.

Западная Европа—худо ли, хорошо ли—рѣшила эту проблему путемъ обращенія земли въ личную собственность. Такимъ путемъ населеніе получило тамъ возможность свободно размѣститься на территоріи,—„свободно“, конечно, въ томъ условномъ смыслѣ, какъ это понимается въ буржуазномъ обществѣ. При всей несправедливости этой системы съ точки зрѣнія распредѣленія имущественныхъ благъ, она, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ—хотя и то не всегда—интересамъ производства.

Несомнѣнно, что и у насъ найдутся сторонники такого же рѣшенія аграрной проблемы, хотя сейчасъ—въ виду волнующихся крестьянскихъ массъ—они и не рѣшаются выдвигать свои проекты. Мнѣ приходилось уже говорить **), что

*) Земельныя нужды деревни“, стр. 148.

**) См. „Земельныя нужды деревни“.

идти этимъ путемъ для насъ невозможно. Начавъ распродажу подлежащихъ обработкѣ государственныхъ земель и обративъ надѣльныя земли въ личную собственность ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, мы рискуемъ не только не освободить отъ земельнаго собственника, но и еще больше закабалить ему сельско-хозяйственнаго производителя. Главное же, эпоха хроническихъ голодовокъ и затяжного раззоренія крестьянскихъ массъ неизбѣжно почти должна будетъ завершиться въ такомъ случаѣ быстротечной ихъ пролетаризаціей. Такую перспективу, конечно, можно было рисовать въ качествѣ неизбѣжнаго послѣдствія стихійной эволюціи, но ставить пролетаризацію крестьянства въ качествѣ цѣли для сознательнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь не рѣшатся теперь даже фанатики „классовыхъ противорѣчій". Жизнь требуетъ аграрной реформы, чтобы упрочить экономическое положеніе массы, а не для того, чтобы довести ее до окончательнаго раззоренія. Когда на крестьянскомъ съѣздѣ нѣкоторые стали возражать противъ проекта обращенія всей земли въ государственную собственность, „ссылаясь на то, что онъ не соотвѣтствуетъ историческому ходу жизни", то съ разныхъ сторонъ послышались рѣзкія замѣчанія:

— „Намъ ѣсть нечего... Здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти милліоновъ народа, а вы тамъ о какомъ-то историческомъ ходѣ"... *) И несомнѣнно, что активное состояніе крестьянства въ эту критическую эпоху народной жизни можетъ и исторію заставить свернуть съ проторенной дороги.

А другая дорога есть, ибо мы какъ разъ находимся на распутьи. Если нельзя повернуть въ сторону личной соб-

*) „Русь", 7 августа, 1905 г.

ственности, то нужно повернуть въ сторону государственной. И такое направленіе аграрной реформы представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ при данныхъ условіяхъ даже съ той точки зрѣнія, съ какой мы разсматривали ее на предыдущихъ страницахъ. Нужно снять запретъ съ земель казенныхъ, нужно освободить отъ путъ собственности надѣльныя, нужно разгородить частновладѣльческія. Нужно вернуть русскому народу его землю и тогда онъ размѣстится на ней, какъ того требуютъ его хозяйственныя потребности.

Тогда опредѣлится и дѣйствительная емкость не только всей территоріи, но и каждой ея частички. Всѣ же теперешніе разсчеты, хватитъ или не хватитъ земли, представляются болѣе, чѣмъ гадательными. Какъ въ самомъ дѣлѣ разсчитать, сколько могутъ вмѣстить населенія хотя бы южныя и юго-восточныя степи, когда на мѣстѣ обширныхъ латифундій обоснуются тамъ крестьяне, приходящіе теперь туда лишь на косовицу? Система вѣдь хозяйства измѣнится, и мужикъ, не могущій на старыхъ мѣстахъ справится даже съ трехпольемъ, на новыхъ, можетъ быть, перейдетъ къ плодосмѣну. Перелоги во всякомъ случаѣ исчезнутъ, и ихъ давленіе на хозяйство центральныхъ губерній прекратится. Вся сельско-хозяйственная экономія страны, несомнѣнно, измѣнится: „неудобь“, можетъ быть, опять покроется лѣсомъ, и сады, быть можетъ, зацвѣтутъ тамъ, гдѣ теперь разстилаются степи.

Предпринимаемая въ интересахъ крестьянской массы,—а, стало быть, неизбѣжно въ интересахъ трудового хозяйства,—реформа должна посчитаться еще съ однимъ крайне важнымъ обстоятельствомъ. Земли, на которыхъ должно будетъ размѣститься сельско-хозяйственное населеніе, если даже „неудобь“ будетъ выкинута изъ оборота, всетаки окажутся не одина-

ковaго качества. Въ одномъ случаѣ для поддержанія даннаго жизненнаго уровня необходимо работать, скажемъ, по восьми часовъ ежедневно, въ другомъ – для этого достаточно и четырехчасовой работы. При натуральномъ строѣ хозяйства эта разница сводилась бы всецѣло къ разницѣ въ естественномъ плодородіи почвы. При мѣновыхъ же отношеніяхъ, помимо естественныхъ условій, громадную роль играютъ въ этомъ случаѣ факторы общественнаго порядка и среди нихъ, прежде всего, близость къ рынку. И чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе общественныхъ условій становится все больше, и тѣмъ разница между землями дѣлается все значительнѣе. Подъ Москвой десятина земли стоитъ тысячи, а гдѣ-нибудь въ глуши десятина такого же качества стоитъ меньше сотни.

Между тѣмъ передъ лицомъ рынка всѣ производители непремѣнно должны быть поставлены въ равныя условія. Иначе, одинъ будетъ продавать товаръ по такой цѣнѣ, какая для другого будетъ безусловно убыточна. Одинъ производитель, стало быть, будетъ давить на другого, одна мѣстность— разорять другую или наживаться на ея счетъ. При личной собственности на землю и при капиталистическомъ строѣ хозяйства возможность такого давленіе устраняется тѣмъ, что изъ общественнаго продукта выдѣляется рента, въ качествѣ каковой производители и выплачиваютъ всю разницу въ доходности земель, поскольку таковая зависитъ отъ естественныхъ или общественныхъ условій. Обязанный выплачивать ренту производитель уже не можетъ понизить цѣну на продуктъ въ убытокъ производителю, который имѣетъ землю худшаго качества, но за то и ренту платитъ меньшую. Если предприниматель объединенъ въ одномъ лицѣ съ землевладѣльцемъ, то и въ такомъ случаѣ онъ стремится установить свои мѣновыя отношенія съ такимъ разсчетомъ, чтобы вы-

ручка за продуктъ покрывала не только расходы производства, но и проценты на капиталъ, какой имъ выплаченъ за землю или какому она равняется въ данное время.

Не лишне будетъ отмѣтить, что этотъ способъ уравненія условій, въ которыхъ находятся производители, даже съ точки зрѣнія интересовъ производства представляется далеко несовершеннымъ. Хотя рента обнаруживаетъ наклонность къ наростанію, однако въ отдѣльные періоды и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ она нерѣдко дѣлаетъ рѣзкіе скачки внизъ. И каждый такой скачокъ неизбѣжно сопровождается острымъ кризисомъ въ сферѣ земледѣлія и землевладѣнія. Производитель, обязавшійся выплачивать ренту въ опредѣленномъ размѣрѣ, оказывается не въ состояніи вынести измѣненія въ мѣновой конъюнктурѣ и долженъ ликвидировать свое хозяйство. Землевладѣлецъ, обременившій свое имѣніе ипотекой, не можетъ выдержать уменьшенія его цѣнности и вообще рѣзкаго паденія своихъ доходовъ. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ громадный кризисъ, какой пережило и переживаетъ еще сельское хозяйство въ старыхъ странахъ послѣ того, какъ на міровомъ рынкѣ появились Остъ-Индія, Австралія и Аргентина съ ихъ новыми, не обремененными еще рентой и ипотекой, землями. Почти вся Западная Европа оказалась уже вынужденной перейти къ аграрному протекціонизму. Чтобы сохранить свое сельско-хозяйственное производство, народы должны были гарантировать аграріямъ ихъ доходы, и отъ этой гарантіи при данномъ земельномъ строѣ едва ли они избавятся. Новое наростаніе ренты, которое будетъ происходить, вѣроятнѣе всего, постепенно, землевладѣльцы сумѣютъ, конечно, незамѣтно себѣ присвоить, а когда произойдетъ опять скачокъ внизъ, они потребуютъ за свою общественную функцію новой приплаты за общена-

родный счетъ. Между тѣмъ такія колебанія ренты, въ виду продолжающагося развитія мірового хозяйства, вѣроятно будутъ происходить все чаще и чаще. Помимо этой перспективы, сторонники личной поземельной собственности и капиталистическаго хозяйства должны еще имѣть въ виду, что Россія, какъ страна экспортирующая, воспользоваться такимъ средствомъ, какъ аграрный протекціонизмъ, будетъ не въ состояніи. Чтобы ослабить кризисы, неизбѣжно придется прибѣгать къ подачкамъ изъ народной казны. Но мы уже по опыту знаемъ, что подачки, какъ бы беззастѣнчиво онѣ ни производились, развить сельско-хозяйственнаго производства не могутъ. При частной собственности на землю оно почти неизбѣжно будетъ такимъ образомъ пребывать все время въ угнетенномъ состояніи.

Вопросъ о разнокачественности земель и при трудовомъ хозяйствѣ имѣетъ, конечно, огромное значеніе. Какимъ образомъ можно уравнять производителей, чтобы они не давили другъ на друга? На первый взглядъ эта задача рѣшается очень просто: хорошей земли нужно давать меньше, а худшей — больше. При натуральномъ строѣ хозяйства такого „поравненія“ было бы, конечно, вполнѣ достаточно, и въ крестьянствѣ, еще не пережившемъ традицій этого строя, склонность къ подобному поравненію, несомнѣнно, имѣется. Но мы не должны забывать, что трудовое хозяйство должно уже имѣть дѣло съ рынкомъ. Вынося произведенный продуктъ на рынокъ, крестьянинъ, конечно, будетъ сообразоваться исключительно съ тѣмъ, сколько живого или накопленнаго труда въ него вложено. Стало быть, производитель, получившій лучшую землю, получитъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность продавать продуктъ дешевле, чѣмъ производитель, надѣленный худшей землей. Цѣны, конечно, будутъ устана-

вливаться на нѣкоторомъ среднемъ уровнѣ, съ избыткомъ покрывающемъ трудовыя затраты однихъ и не оплачивающемъ вложеннаго труда другими. Въ результатѣ однѣ мѣстности и одни хозяйства будутъ наживаться за счетъ другихъ. Возможенъ, конечно, и другой результатъ. Мы уже по опыту знаемъ, какъ трудно трудовому хозяйству удержать въ своихъ рукахъ ренту. Вполнѣ вѣроятно поэтому, что появятся какія-либо „третьи лица“, которыя и учтутъ ее въ свою пользу.

При мѣновыхъ отношеніяхъ рента изъ общественнаго продукта такъ или иначе выдѣлится и вопросъ можетъ быть только въ томъ, кто ее присвоитъ. Изъ сказаннаго видно, что она не можетъ быть предоставлена въ распоряженіе трудовыхъ хозяйствъ, не можетъ быть оставлена за отдѣльными производителями. Въ цѣляхъ даже только уравненія между ними рента должна быть экспропріирована коллективностью, государствомъ. Это сознаніе не чуждо, повидимому, и нѣкоторымъ крестьянамъ. По крайней мѣрѣ гурійскіе крестьяне, предъявляя требованіе о передачѣ всѣхъ земель трудящимся, признавали справедливымъ налогъ „за лучшія земли“. Само собой понятно, что взятая государствомъ въ видѣ ренты доля общественнаго продукта вернется затѣмъ, хотя бы въ видѣ культурныхъ благъ, къ населенію, по распредѣлиться между нимъ уже на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Это, конечно, не будетъ „единый налогъ“, проектированный Генри Джорджемъ. У государства должны быть и найдутся другіе источники финансовыхъ рессурсовъ. Такъ, не могутъ быть освобождены отъ налога и всѣ другіе рентные доходы. Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что, принявъ налоговую форму рента пріобрѣтетъ ту эластичность, какая необходима при постоянно измѣняющейся мѣновой конъюнктурѣ. Допустимъ, напримѣръ что на міровомъ

хлѣбномъ рынкѣ неожиданно появится новая страна и русскій хлѣбный экспортъ окажется не въ состояніи оплачивать уже установившуюся ренту. При національной собственности на землю, государство можетъ немедленно понизить рентное обложеніе и тѣмъ предупредить кризисъ. И цѣлому народу, конечно, легче будетъ вынести это пониженіе дохода, чѣмъ отдѣльной группѣ производителей. Соглашаясь нести въ указанномъ случаѣ убытки, государство не останется, однако, въ проигрышѣ. При всѣхъ временныхъ колебаніяхъ, рента, какъ я уже указалъ, обнаруживаетъ въ исторіи тенденцію къ быстрому наростанію. Нужно поэтому ожидать, что въ распоряженіе государства будетъ поступать все большая и большая доля національнаго продукта.

Не противорѣча интересамъ производства, обращеніе ренты на общественныя надобности вполнѣ отвѣчаетъ и требованіямъ справедливаго распредѣленія. Являясь послѣдствіемъ независящихъ отъ индивидуальнаго производителя естественныхъ и общественныхъ условій, представляя результатъ коллективнаго, уже обезличеннаго, труда, — рента по справедливости и принадлежать должна обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проблема національнаго богатства вполнѣ совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ проблемой народнаго благосостоянія, ибо все большая и большая, какъ я уже сказалъ, часть національнаго продукта будетъ поступать въ распоряженіе коллективности и, стало быть, все большая и большая часть національнаго богатства можетъ быть распредѣляема по принципу: „каждому по потребностямъ“. А это, вѣдь, одинъ изъ основныхъ принциповъ будущаго строя.

„Первый,—говоритъ Руссо,—кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: это мое, и нашелъ людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ основателемъ современнаго гражданскаго

общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, отъ сколькихъ бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, выдернувъ колья и закопавъ ровъ, крикнулъ бы людямъ: не слушайтесь этого обманщика; вы погибли если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому".

Формулируя эту мысль по отношенію не къ прошлому, а къ будущему, мы можемъ сказать: первый, кто опять разгородитъ землю, и будетъ истиннымъ основателемъ новаго гражданскаго общества.

А. О. Немировскій. Напасть. Ц. 1 р.
А. А. Николаевъ. Кооперація. Ц. 10 к.
С. Подъячевъ. Мытарства. Ц. 75 к.
„ Среди рабочихъ. Ц. 75 к.
А. В. Пѣшехоновъ. Земельныя нужды деревни. Ц. 60 к.
„ Крестьяне и рабочіе. Ц. 25 к
„ Экономическая политика самодержавія. Ц. 30 к.
„ Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Ц. 10 к.
„ Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Ц. 40 к
„ Сущность аграрной проблемы. Ц. 6 к.
Сборникъ „Русскаго Богатства". I ч.—Ц. 2 р., II ч.—Ц. 1 р.
П. Тимофеевъ. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Цѣна 40 коп.
Б. Эфруси. Очерки по политической экономіи. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Доброволецъ Петербургъ. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. I—II т. т. по 1 р.
„ Русская Муза. Собраніе лучшихъ стихотвореній. Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгоиздательствѣ „РУССКОЕ БОГАТСТВО" продается

НОВАЯ КНИГА:

Въ защиту слова.

Сборникъ статей, замѣтокъ и стихотвореній: **К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда Діонео, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чирикова, П. Я.** и мн. другихъ.

Четвертое изданіе **безъ перемѣнъ.**

Цѣна 75 коп.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ и основныя задачи аграрной реформы.** 3-е изд. Ц. 60 коп.

2) **КРЕСТЬЯНЕ и РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.** 3-е изд. Ц. 25 коп.

3) **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ.** 2-е изд. Цѣна 30 коп.

4) **АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ.** Ц. 40 коп.

5) **ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА.** 2-е изд. Ц. 10 к.

6) **НАКАНУНѢ.** (Печатается).

Складъ изданій въ конторѣ журнала „Русское Богатство" (С.-Петербургъ, Баскова 9) и ея московскомъ отдѣленіи (Москва, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„Русское Богатство",

издаваемый подъ редакціей **Вл. Г. Короленко**

и при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Мельшина).

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Спб. и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Баскова ул. 9; отдѣленіе въ Москвѣ: Никитскія Ворота, д. Гагарина.